

трясений в свете теории вулканизма и гипотезы поднятия (1800–1870)) в контексте геологических трудов 1810–1820-х годов, а затем второй четверти XIX века. Автор не обратила внимания на время создания заметки, хотя именно для третьего издания «Сочинений» Карамзин датировал каждое произведение. В результате естественнонаучные представления Карамзина, основанные на распространенных в XVIII веке среди русских ученых взглядах о землетрясениях и вулканизме как следствии действия подземного огня, оказались неоправданно модернизированными. Карамзин в начале XIX века сохранял сформированные еще литературой XVIII века знания в области естественных наук.

При внимательном просмотре «Вестника Европы» оказалось, что заметка о землетрясении и прибавление к ней не были единственными, где Карамзин обнаружил свой интерес к истории науки и, в частности, естествознанию. Не случайно в журнале появились две переводные статьи о Бюффоне: «Некоторые мысли лучших французских авторов, выбранные из новых сочинений госпожи Неккер» и «Бюффон и Руссо» (1802. № 6. С. 125–129; № 8. С. 339–343). Не случайно и то, что Карамзин выбрал для перевода материалы, где говорилось о взглядах Бюффона на литературу, его эстетических представлениях, достоинствах его слога, а не о его широкоизвестных трудах по естествознанию.

Карамзин обнаруживает хорошее знакомство с трудами не только Бюффона, но и И. Г. Гмелина, а также с материалами, где описывались находки костей мамонтов и высказывались предположения об их происхождении (автором одной из таких работ был еще Татищев). Он поместил письмо А. И. Мусина-Пушкина о найденных в Ярославской губернии мамонтовых костях и дал к нему свое примечание, где говорил, что ни Бюффон, ни Гмелин не верят в существование мамонтов, что нужно заключение натуралистов о находке, что, следуя Бюффону, нужно признать или существование теплого климата в Сибири в древности, или что остатки огромного зверя занесены в Сибирь водой. И здесь Карамзин рассуждает в рамках широко проходившей в XVIII веке дискуссии о природе останков мамонтов. Он писал далее: «Память страшной революции, произведенной в нашем мире сим элементом, сохраняется не только в преданиях народов, не только в священных книгах, но и в самом образовании земной поверхности, в составе первоклассных гор, и проч.» (1802. № 21. С. 40–42). Обращу внимание на то, что в данном случае для Карамзина источниками, дающими информацию о ветхозаветном потопе (речь шла именно об этой «воде»), — наряду с устными и письменными свидетельствами были и природные явления.

В следующем году в журнале появилась статья «О российском посольстве в Японию» (1803. № 11. С. 159–171), которую Карамзин включил во второе издание «Сочинений». В качестве важнейшей причины этого путешествия, помимо политических и экономических, Карамзин не раз называл причину научную — изучение и описание природы Японии и других островов: «Ум, просвещенный наукою, может объяснить там историю великих революций мира: ибо Тенерифа, по мнению Физиков, образовалась действием подземного огня, который из глубоких недр зем-